

МАЛЬЧИКАМ И ДЕВОЧКАМ, С КРЫЛЬЯМИ И БЕЗ...

Есть в цирке номера, которые происходят на манеже, или на манеже и в первых рядах зрительного зала, или на уровне амфитеатра, некоторые вообще теснятся где-то в уголке: артисты как бы сами по себе, зрители — сами. А бывает такое, что заполняет весь цирк до самой верхушки, до сплетения всяких проводов и тросов. Это просто какие-то «захватывающие» номера. Ради них, наверное, и стоит водить детей в цирк...

В первый раз я увидела Наташу в свете «пушек» — так называются в цирке большие лампы — прожекторы — под самым куполом в чем-то серебристом. Но гораздо интереснее было смотреть на тени на стенах цирка. Каждое едва заметное снизу движение тут приобретало размах, сами фигуры воздушных гимнастов казались более осязаемыми, чем в действительности, а от того, что эти тени ложились на колышущиеся под ветром стены шاپито, ощущение как-то чужда становится просто фантастическим.

— Воздушные гимнасты Наталья Алексюк и Алексей Бубан! — объявил инспектор манежа, когда артисты спустились (или слетели) на манеж для комплимента.

... — Доктор, мне нужен больничный. — Наташа показала врачу левую руку. Рука от локтя и до запястья была в ссадинах и нарывах.

— Из-за руки больничный? Где вы работаете?

— В цирке.

Вот такой разговор пересказала мне Наташа Алексюк, когда после представления я зашла к ней в вагончик да так и остановилась на пороге: Наташа сидела за гримировальным столиком перед ворохом бинтов. Как-то не увязывались у меня эти шершавые бинты с образом воздушной гимнастки. О прошедшем выступлении напоминал только блестящий бант в причёске.

Номер воздушных гимнастов в цирке называют просто «воздух». Все действие разворачивается под самым куполом. И поэтому без страховки работать нельзя. Лонжа — тоненький страховочный тросик — снизу едва заметна. Наташа Алексюк не забывает про нее ни на минуту. Пока она работает «воздух», лонжа проходит слева от нее и трет руку. Ссадины на руке появились после первого же представления в шاپито. Избавиться от лонжи невозможно, разве только пренебречь страховкой.

В «воздух» она попала после рождения дочери Аленки. При чем совершенно неожиданно.

О цирке Наташа мечтала с детства и с девяти лет занималась акробатикой в художественной самодеятельности. В акробатической группе она была нижней: держала на своих плечах и руках других артистов. Ее силе и ее мускулам еще в школе завидовали мальчишки-одноклассники. А после школы она поступила в торгово-экономический техникум на бухгалтерское отделение. Но занятий в народном цирке не бросила. Через полгода их акробатическую группу пригласили в профессиональный цирк. Так и не получилось из нее бухгалтера.

Когда дочка немного подросла и Наташа снова пришла в цирк, первый вопрос, который ей задавали знакомые, был: «На сколько похудела?» — «На девять килограммов», — отвечала она. И понимала, что работать нижней она при таком весе не сможет. Ей предложили пойти в номер «воздух» или уволиться.

Наверное, это осталось в ней от акробатики. Во всем чувствуется какая-то основательность, надежность. И честность, когда, не особенно-то разбираясь в тонкостях жанра, понимаешь, что артист работает с полной выкладкой.

Еще я видела Наташу на чьей-то репетиции. Она просто сидела в первом ряду и смотрела. На манеже было полно фантиков, мусора. Вдруг она встала, ушла и через минуту вернулась с метлой. И полмела манеж. Все, кто работает в цирке, знают обычай: нельзя сидеть спиной к манежу. Потому что манеж — это саятое, это целый мир Красивый и мудрый обычай. Как и многое другое, он относится к цирковой романтике. Проза в том, чтобы встать и подмести манеж...

Я смотрела на лица ребят в полутемном зале. И знала: все придут домой и будут еще долго вспоминать цирк. Может быть, многим ночью приснятся сны. Как будто они летают во сне, значит, он растет. И взрослеет...

Н. ГЕРАСИМОВА